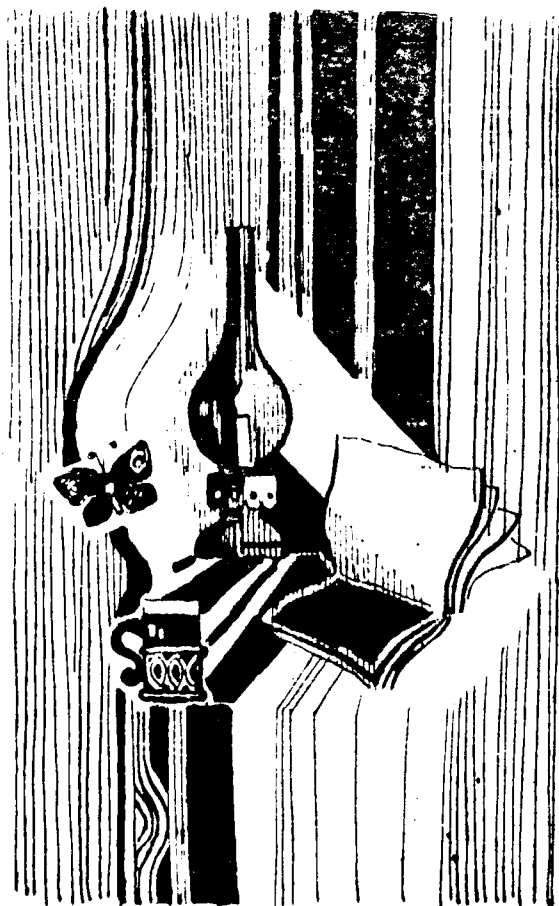

Часть V
ПУБЛИЦИСТИКА

О. ЧЕРНОРИЦКАЯ

Мнения писателей
о современной литературе

ПИСАТЕЛИ СЕВЕРА О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Писатели России не случайно озабочены состоянием современной литературы. Это вопрос вопросов. В чем причина, почему исчезли громкие имена, почему никто не читает современников? Книжки в общем-то талантливых писателей лежат на полках библиотек и книжных магазинов, но никто эти книги не берет даже в руки.

Зато спрос на детективы, эротику, фантастику. И что делать писателям? Переходить к рынку? Писать то, в чем спрос? Ну, ладно, напишешь такой роман, а где гарантия, что хватит денег его издать и на что жить, пока пишешь? И вообще, известно, что профессия писатель есть только в нашей стране. А нужна ли она нам? Что это за глушь — профессиональный писатель? Что за литколхоз — Союз писателей? Да еще и Литературный институт: единственный в мире государство содержит. А зачем? Вообще, нужно ли писателю платить деньги? Ведь если верить Вячеславу Белкову, когда у нас перестанут платить деньги за книги, появится настоящая литература. Но, с другой стороны, есть ли более нищее сословие, чем наши писатели? И что будет, если все они пойдут уголь грузить?

Русские писатели жалуются, что почти нигде не печатают русских. «Кроме Лит. России негде печататься», — говорит Валентин Суховский. Многие тревожатся, что все заполонила русскоязычная литература и противопоставляют ее русской. Говорят с тревогой об американизации нашего языка и литературы. «Американская литература», — говорит А. Смолин, — литература не мысли, а действия. Для нее важен сюжет, причем сюжет упрощенный». Анатолий Занин (поэт из г. Вельска) предсказывает, что лет через 300 мы все равно придем к единому языку, пусть он будет американским. Действительно, как это удобно — у всех единый язык, может быть, даже будет одна национальность. Нет, не случайно русские писатели взвыли. Это не национализм и не антисемизм в чистом виде. Это крик: «Помогите, мы вымираем!»

Вячеслав БЕЛКОВ (член «Союза писателей, автор книг «Неодинокая звезда», «Повесть о Вологде»).

— Начну с известной мысли: когда перестанут платить деньги за книги, тогда у нас появится литература. Из множества поэтов останутся те, кто пишет, а не просто зарабатывает. А пока много поэтов, которые не знают, что такое литература. Литература — это то, что у писателя вырвалось изнутри. И он должен знать, что несет за это ответственность. А у нас могут написать, не соотнося ни с собой, ни с ответственностью, как дикари. Однако радует то, что общество как-то за последнее время повзросло. Стало больше умных молодых людей. Наверное, они что-нибудь напишут.

— **Вячеслав Сергеевич**, из тех, кто сейчас популярен, известен, — **кого Вы читаете?**

— У меня очень традиционные привязанности: не знаю поэтов интереснее Кузнецова, Передреева, не говоря, конечно, о Рубцове. Не сомневаюсь, что есть и молодые, не дошедшие до нас, имена. В прозе дела куда хуже, чем в поэзии. А может, нас немножечко «испортили» — приучили к классике на филфаке.

Может быть, со временем у нас решится вопрос, что такое национальная литература, — много пишется на русском языке, но людьми нерусскими. Хотя русскоязычная литература имеет право на существование. Мы имеем много фанки: Чингиз Айтматов с его «Плахой», «Доктор Живаго» Пастернака, «Берег» Бондарева... А в поэзии еще больше — Луговской, Мартынов, Дементьев... стихи их...

— **А как Вы относитесь, скажем, к Лимонову?**

— У Лимонова отличные рассказы, он нащупал тенденцию, по которой литература может развиваться. С. Довлатова люблю,

— Как Вы считаете, вокруг каких журналов концентрируются самые талантливые авторы?

— «Новый Мир», который в прежнее время был, несомненно, интереснее других, сейчас упал.

Может быть, потому, что решил заглянуть в будущее: печатает усложненную прозу. Сейчас лидирует «Москва», потому что не тужится. Нечего печатать, так и не печатает. В других журналах материал все-таки набирают, забивают страницы чем попало. Конечно, есть хорошие публикации в «Знамени», в «Севере» и др.

— Какие у Вас планы на ближайшее будущее?

— Скоро должна выйти моя книжка «Жизнь Рубцова». Пишу прозу — короткие рассказы. Собираюсь их издать. Они должны печататься; как и все в литературе, что пишется, то должно печататься.

Из книги В. Белкова «Повесть о Вологде»: «В сравнении с живым поэтическим словом становится заметнее все мертвое, низкопробное в литературе. И то, что рядится под народное, и то, что туманит взгляд многозначительностью. Как удачно заметил один из старых писателей, «Хорошая книга есть самая лучшая критика на дурные книги».

Андрей СМОЛИН (зам. редактора газеты «Русский Север»).

— Андрей, Вы поэт или журналист?

— Все-таки журналист — работа в газете — мой хлеб. А для себя в последнее время пишу сценарии.

— Как Вы относитесь к современной литературе?

— У меня очень сложное отношение ко всему, что происходит. Скорее всего — это растерянность. Раньше были определенные критерии: Вампилов хорошо, а Галич — не мой вкус. А сейчас наступило разочарование — читаю очень мало. Несколько порадовали последнее время Кригер, Вл. Богомолов. Это хорошие литераторы — советуя почитать. У них любопытен язык, вещи, легкие для чтения, однако с глубокими мыслями. Очень любил старый «День» — там работали действительно умные люди. Ту борьбу, что случилась в октябре 93 года, многие воспринимают, как конфликт Ельцина с Хасбулатовым. На самом деле все гораздо сложнее. Идеологически «День» пытался внести изменения в жизнь России, примат русской культуры, ее обособленности. Он не имел ввиду насилие. А то, что случилось — провокация «красных», в т. ч. Анпилова, Макашова, Руцкого, Хасбулатова. Президенту, который обладал силой, быстро удалось устранить не только самих мятежников, но и их якобы «идеолога» — «День». Результат известен: 300 лет было татарское иго, еще 300 лет будет американское.

— Действительно, литература, язык стали обамериканиваться.

— Не только язык в литературе — сама ее сущность становится американской. Что такое русская литература? Начиная с Пушкина, литература заменяла религию. Писатели всегда были пророками, они многое предвидели. Это особенно проявлялось у Достоевского, Толстого. Американская же литература — литература не мысли, а действия. Для нее важен сюжет, причем сюжет упрощенный. Америка — очень простая страна. Конечно, и там есть писатели с мировыми именами, но в целом все пишется на потребителя. Так называемая литература действия — она больше думает, как жить, а не чем жить. Горький был таким писателем. Обамериканивание — это прежде всего влияние 3-й волны эмиграции.

— Например, Бродского?

— Ну, Бродский среди них элитарный... У Анатолия Франца не всегда понятны тенденции — очень упал. За именами Петрушевской, Кураева, Полякова не стоит продолжения традиции. Бондарев наиболее плодотворно работал. В своих романах «Выбор» и пр. пытался мыслить о действительности, пытался ее понять. В последнее время Бондарева недооценивают, но народ его любит. Его, вероятно, можно противопоставить Юлиану Семе-

нову. Юлиан Семенов был первым предвестником обамериканивания литературы.

— **Несколько слов о поэзии...**

— Поэзия сильна именами. В наше время имен катастрофически не хватает.

— **И кто виноват?**

— Скорее всего, здесь вина не автора — литературоведы плохо работают.

— **Может быть, время такое, что не до поэзии?**

— Теория, о которой Вы говорите, всегда меня удивляла. Напротив, интерес к поэзии всегда усиливался в экстремальных ситуациях. Помните революцию, времена «оттепели». Сейчас время жестокое, еще более жестокое, чем во времена т. н. «оттепели». Дело в другом — вообще вся культура отошла на второй план.

Василий БЕЛОВ.

— Современная литература? А что Вы подразумеваете под этим словом? Пушкин — современен. Солоухин тоже современен.

— **Не совсем согласна: в наше время как Пушкин никто писать не будет — стиль его устарел.**

— Как Пушкин сейчас никто и не напишет — это уж точно, — все зависит от таланта.

— **Как Вы относитесь к ныне здравствующим прозаикам, Лимонову, например?**

— К Лимонову — с иронией, хотя особенно его не знаю. Не люблю модернистов и не читаю их.

— **Ваше отношение к поэзии.**

— Поэтов талантливых больше, чем прозаиков. Очень талантлив Анатолий Брагин. Даже у нас на Вологодчине много талантливых поэтов. Хотя каждый поэт может быть и прозаиком.

— **Какие журналы Вы читаете?**

— Думаю, о журналах не стоит говорить, хотя мои симпатии на стороне «Нашего Современника».

— **Слухами земля полнится, что Вы не пишете больше художественных произведений, полностью перешли на публицистику?**

— Почему? Я сейчас работаю над 3-й частью хроники «Год великого перелома». В этом году, думаю, она появится в Роман-газете, в «Нашем Современнике».

Из повести В. Белова «Раздумья на Родине»: «У Пушкина есть стихи буквально на все случаи жизни. Но к нему привыкаешь, как к воздуху, еще в раннем детстве и потом долго как бы не замечаешь его. Да и кто заметит чистый целебный воздух до того, пока не дохнул вонючей и тяжелой горечи? Лишь в зрелые годы приходит осознанное восприятие ничем не заменимого пушкинского слова».

Автор книг «Славянка», «Мальчишки из далеких деревень», «Жребий» и мн. др. Виктор КОРОТАЕВ (член Союза писателей, поэт, редактор газеты «Русский Огонек»).

— В литературе творится бардак. Недавно я узнал из газеты «День», что Пушкина не издавали 2 года. Это показатель. Зато массовый выпуск лесбиянских, порнографических опусов. Ни одной такой книжки я на полку себе не поставлю. Нынче все делается, чтоб убить желание читать. Это политика, направленная на то, чтобы погубить душу. Нам, старшее поколение, уже не погубить, потому, что мы воспитаны на хорошей литературе. А вот молодое поколение...

— Виктор Вениаминович, есть среди нынешних авторов талантливые?

— Есть, но им не дают выбиться. У Белова 2-х последних томов издать не могут. Распутин тоже что-то там пишет, но не может выйти к читателю. На тех, кто печатается в «Нашем Современнике», идут гленичи: кто углол грузит, кто общественное имущество сторожит. Юрий Леднев едва сводит концы с концами. Был бы сейчас Рубцов — и он бы не выжил. Очень редко встречаю публикации В. Кожинова. Михаил Лобанов говорит, что его просто ограбили. Виктора Лихоносова не слышно. Литераторы живы, а литературы нет. Вся полиграфическая мощность забита безобразием. Рынок сожрал культуру. Выживет самый пошлый, самый грязный и тот, кто удрал.

Владислав КОКОРИН (поэт, закончил литературный институт им. Горького).

— Меня заботит не сколько состояние в русской литературе, сколько в русском бизнесе. Настоящая война за русский рынок не началась. Все, что мы видим, это только цветочки. Пока рынком правят спекулянты. Их недолго разогнать, что и будет сделано. А вот когда придет предприниматель, придет 2-я волна — грамотные юридически и в бизнесе люди — мне не безразлично, кто они будут: Третьяковы и Морозовы или Хаммеры да Ротшильды. Мне не безразлично, кто будет меценатом у русских писателей. Знаю одно: если придут Хаммеры и Ротшильды, русской литературы нам не видать.

Роберт БАЛАКШИН (член Союза писателей, автор четырех книг прозы, редактор епархиальной газеты «Благовестник». Современных авторов не читает. Читает Гете, Булгакова).

— Я вынужден переводить Фолькмана вместо того, чтобы писать книги. Нас не печатают. Во времена, когда ругали на все лады Солженицына, а мы, люди из провинции, в глаза не видели его произведений, я послал письмо одному из особо ярых клеймителей этого писателя с возмущением: как же так?! Результат — нулевой. Но примерно через полгода мой друг пришел ко мне и сказал, что КГБ установило за мной слежку и вербовало его следить за всеми моими действиями. Сейчас Солженицын, пишут, возвращается на Родину.

— Роберт Александрович, некоторые литературоведы ругают Солженицына как писателя, особенно его стиль.

— Да он абсолютно бездарен. Его заслуга только в том, что он первым начал говорить правду. Хотя правду ли? Сейчас много публикуется разных мнений, в т. ч. и такое, что многие факты из иностранных лагерей перенесены на наши.

— Знаете, Роберт Александрович, про Лермонтова тоже говорят, что он предал своих друзей и был поэтому сослан на Кавказ, а не в Сибирь, но я что-то плохо этому верю. Больше как-то верится Бальмонту, который говорил, что поэту не свойственны только 2 вещи: трусость и предательство.

— Вы говорите о вещах несопоставимых. Как можно сравнивать Лермонтова и Солженицына. Один гений, а другой бездарен абсолютно.

Из публикации Р. Балакшина в газете «Вологодская Молодежь» 2 октября 1993 года: «Дорогие земляки! Товарищи депутаты! Если бы несколько лет назад нас спросили, что мы думаем о руководителях государства, в котором под прикрытием свободы слова открыто проповедуется садизм, половые извращения, так что пропаганду безнравственности и разврата смело можно считать государственной политикой, (...) в котором уничтожается отечественная культура, а взамен ее насаждается культура иноземная, чуждая духовным корням народа. (...) Что можно было бы сказать о таком государстве и его руководителях? Только одно: государство стоит на краю гибели, а руководители его или невежды или преступники».

Александр ЦЫГАНОВ (член Союза писателей, автор книг «Пока я с вами», «За милую душу», «Ясны очи», «Мерцание»).

Для меня та литература современна, которая нравственна. Современная литература — это прежде всего Василий Белов и Вяч. Пьецух, который всюду сейчас публикуется, знаток русской души, любит потолковать обо всем русском. Литература должна каждый раз что-то новое открывать в душах людей. В произведениях многих нынешних авторов одна тенденция: доказать, что мы ничего не стоим, внести смуту, тоску, одиночество. Одна задача: всеми силами укрепить свое имя в современной литературе. Для этого используются самые безнравственные средства — только бы привлечь к себе внимание. Из публицистики я бы выделил эссе Василия Белова «Душа бессмертна» — там есть над чем подумать.

— Скажите несколько слов о поэзии.

— Если судить по журнальным публикациям, то имени интересного нет. Мало что в душе остается от современных стихов. Юрий Кузнецов сказал как-то: поэты парализованы — очень точно сказал.

— **Вокруг каких журналов, по Вашему мнению, концентрируются интересные авторы?**

— Для меня «Новый Мир» всегда был самым интересным из журналов. Но последние публикации меня настораживают: журнал потерял точку опоры. Много спорят о романе Шарова, но роман этот путанный, в нем истинных ценностей нет. Очень бы хотелось, чтобы «Новый Мир» обрел свое прежнее лицо.

Ричард КРАСНОВСКИЙ (поэт, живет по месту своей бывшей ссылки в городе Вельске).

— За последнее время появилось много замечательных авторов: С. Каледин, С. Довлатов, Солженицын. Солженицынский «Архипелаг Гулаг» делит литературу на 2 части — до «Архипелага» и после. И, конечно, же появилось много очень больших поэтов.

— **Какие журналы Вы читаете?**

— Сейчас я кроме «Октября» и «Нового Мира» ничего не выписываю.

— **Эти лучше других?**

— Нет, просто на другие нет денег. Ты, наверное, хотела бы знать, почему не «Наш Современник»? Впрочем, и там много хороших авторов. Были бы деньги, я бы его выписал.

— **Какое Ваше мнение о редакторе этого журнала?**

— Куняев не знает, что он хочет. Старовер, мечтает по-старому все повернуть. Он относился раньше к писателям козырным, тем, кому было легче, чем другим издать книги. Но в нынешнее время они, эти козырные, на конкуренцию с современными поэтами не способны. Мешает однообразие тем, приверженность к штампам. Ему бы нужно другим делом заняться, не журнал издавать. Юрий Кузнецов был самым талантливым из них, но сейчас авторы, мало-мальски знакомые с техникой стихосложения, пишут такие, как у него, стихи-сказочки километрами. И он тоже не выдерживает конкуренции с современными авторами. К тому же на него отрицательно повлиял Кожин...

— **И все-таки многие 60-ки остались в своем времени, так и не шагнув в наше.**

— Вот и хорошо, что они остались теми же. Только конкурировать с одной стороны с пошлостью, приключенщиной, с другой стороны с высоким искусством — не могут.

— **Почему же мы этого высокого искусства видим в наше время так мало?**

— Просто прекрасные поэты не всегда любят сразу громко заявить о себе.

— Ричард Александрович! Какая может быть в наше время прекрасная литература? Все заслонила американская литература. Причем, не лучшая американская литература. До русских ли произведений?

— Ничего плохого не вижу в том, что нам стала доступна американская литература. Пушкин начинал учиться у американцев. В подражание американцам появилось начало русской литературы. До этого она была не авторской. На русскую литературу оказывала огромное влияние немецкая — особенно немецкая! Литература. А древнегреческая? Латинская? Французская с конца XVIII века? Достоевский, о котором вы говорите, как о чисто русском писателе, целиком вышел из Диккенса и, кстати, ни когда этого не скрывал. Величайший язык мира не дал бы той литературы, если бы не был связан с другими культурами. Русская культура всегда тем и была ценна, что она интернациональна. Вот румынская, допустим, всегда была замкнута в себе, но там фамилии малозначительны. А что ты ценного видела в одном только русском фольклоре? — грош ему цена. Русскость — одна чистая русскость в отрыве от иностранного — это затхлость, провинциальность, протухлость.

— Вы согласны с Достоевским, когда он пишет о еврейском вопросе?

— В его время писать на эту тему было еще позволительно, но в наше время, после Освенцима, когда были сожжены 6 миллионов еврейских детей, писать и говорить что-либо по еврейскому вопросу, вновь ставить его — непорядочно, глупо! Странно.

— Как Вы относитесь к Бродскому?

— Очень положительно.

— Вы давно стали его читать?

— Давнее, чем все. Я лично знал его. Он здесь, в Вельске, был в ссылке. Сначала пришел ко мне КГБ-шник и начал выпрашивать про Бродского, он думал, мы с ним давно знакомы. В то время мы оба были неиздаваемы. Я — так даже один был такой во всей области. Меня просто-напросто предупредили, что если буду высовываться — снова сяду. Таким же образом Бродский был познакомлен со мной и пришел ко мне сюда, на эту квартиру. Сейчас у меня здесь хранятся его рукописи.

— И все-таки, почему Вы сейчас не хотите нигде издаваться? Может быть, старое предупреждение еще в силе?

— Просто мне кажется, мои стихи во многом несовершенны, я работаю в стол, небрежно, никогда никуда не лез и не собираюсь.

Анатолий ЗАНИН (Иосифозич — в честь Сталина. Имя, фамилия, отчество придуманы в прокуратуре. Немец. За годы Советской власти обрусел. Поэт, ничего не пишущий уже 4 года).

— Современной литературы фактически нет: она только пока становится после времен социалистического реализма. Большинство писателей голодные, полуголодные, ищем, где бы заработать на хлеб. В журналах печатаются еще несложившиеся авторы, только пробующие себя. Они станут известными, обретут себя лет через 5, а, может быть, через 40. Все Лимоновы, Аксеновы ищут в языке соответствия нашему времени. Кто-то должен прокладывать дорогу.

— То же и с поэзией?

— У поэзии те же проблемы. Вообще, не стоит нынешнюю литературу на жанры делить.

— И все-таки, какой жанр сейчас самый популярный?

— Психоанализ, даже вернее, психологический самоанализ. До нас он еще полностью не дошел, но всему свое время.

— Будет время, и русский язык выйдет из обихода...

— Лет через 300 мы все равно придем к единому языку, пусть он будет американский. Русский язык станет языком антикварным, как старославянский.

Владимир КУДРЯВЦЕВ (член Союза писателей, начальник управления культуры администрации Вологодской области).

— Владимир Валентинович, спасибо Вам от всех устюжских поэтов, что помогаете издавать наши книжки. Интересно узнать Ваше мнение о современной литературе.

— К современной литературе отношусь с тревогой. Связано это с тем, что пока книжный рынок насыщен не современной литературой, а переизданной старой. Современная литература находится на письменных столах, в ящиках столов, на вестях самих авторов, на их иждивении. Помощи авторам в издании книг пока недостаточно. Но и рад, что в прошлом году многое удалось сделать, вышло немало хороших книжек. Да и сами авторы как-то пытаются издаваться за свой счет. Правда, их книжки могли бы быть и лучше, если бы были должным образом отредактированы.

Меня настораживает не сколько сама современная литература, сколько отношение к классике. Классика отодвинута на задний план, и, если судить по нашим библиотекам, почти совсем не читается. Очень легкое отношение к языку. Засорение его вульгарными, бытовыми, иностранными словами. Я думаю, что современная литература находится в состоянии неопределенном. Мы не способны к быстрому осмыслению событий окружающей жизни. Не случайно сейчас на первом месте даже не публицистика, а газетные жанры небольшого объема. Авторы как бы фиксируют события, занимаются их хроникой — это тоже важно. А осмысление сегодняшних событий — дело завтрашних писателей.

— Кому из современных авторов Вы более симпатизируете?

— Мне созвучнее и ближе поколение писателей рождения 50-х годов: Саша Пошехонов, Лидя Теплова, В. Ситников, В. Мишенев, В. Кокорин. Из молодых сейчас интереснее Саша Парнашов, Саша Кортаев, Инга Чурбанова.

Я принимаю разную форму творения, но мне ближе традиционная тропинка. Не уход от традиций, а следование им.

Если говорить о разрекламированном лидере Саше Кабакове, то я такую литературу не приемлю. Она все-таки переходяща. Лимонова ставлю в один ряд с «кабаковщиной», — он тоже не вписывается в традиции русской литературы. Но тем не менее все имеет право на существование. Не отвергаю вообще любого пишущего человека. Считаю, что это ограниченность, когда на семинаре один автор заявил, что не считает Вознесенского за поэта. Мне кажется, что и Вознесенский, и Евтушенко, и Рождественский — интересные писатели.

— Какие журналы Вы выписываете?

— Сейчас никаких. До 90 года выписывал все толстые журналы в том числе «Наш Современник», «Молодую Гвардию», «Москву», «Юность».

В «Юности» работал прекрасный поэт Юрий Беликов, там работали мои друзья, талантливые ребята.

В конце 80-х годов все журналы были разделены на группировки. Замыкаться в рамках одного направления, мне кажется, недопустимо. Литературу надо воспринимать во всем объеме. Доброжелательно, чего очень не хватает, особенно в критике.

Александр ДРАЧЕВ (автор книг прозы «Умственные люди» и «Сон»).

— Современной литературы нет. Литература во все времена — страстный указывающий перст. Она тогда чего-нибудь стоит, когда есть мощный идеал. В XIX веке — это идеал всемирной человеческой гармонии, в начале XX века — обожествление красоты, все старались перещеголять друг друга, например, в стихосложении. Но уже тогда было падение на ступень ниже — жажда идеала ослабла. В пору социализма Россия несла мощную идею, готова была родить философию, подобную учению Христа, но отцом был Ирод, а не Иосиф. И вовсе не имеет идеалов литература современная.

Были огромные плеяды писателей, сейчас о них ни слуху, ни духу, как грибы после заморозка куда-то делись. Нет ни одного писателя, такого, что зная о котором, люди стремились его услышать. Раньше как-то больше интересовались современниками. Допустим, у Белова вышли «Кануны» — и все увлеклись этой книгой. А в наше время можно даже судить по тому, какие книги покупаются. Если не детективы, то Карамзин. Девальвация писательского слова.

Ольга ФОКИНА (поэтесса, автор 23 поэтических книг, лауреат Государственной премии).

— Начну с того, что я мало читаю. Читаю периодику: «Новый Мир», «Наш Современник», «Молодую Гвардию». Там есть вещи очень интересные. Авторы работают на полном вдохе и выходе. Удивительный случай — на поэтическом семинаре присутствовал Глеб Кузьмин. Сидел так скромненько в уголке, мы и не знали, что он поэт. В конце он подарил нам свою книжечку, мы с дочерью 2 дня ее читали. Великолепный поэт! Вот такого уровня, пожалуй, не было на всем семинаре. Значит, силы поэтические зреют. Может, это и не нужно, чтобы всех печатать. Постепенно все отстоится и талантами перебьет громаду лет.

Тревожно, что нынешние поэты типа Сережи Ладухина, Саши Коротаяева берут молодым напором, их разбирать на семинаре можно, но в их творчестве судьбы нет. У отца Саши в его возрасте стихи были гораздо сложнее, глубиннее. Мне помнятся семинары, когда разбирали стихи Коли Рубцова, Сергея Чухина. Сейчас авторы слабее. Очень упала женская поэзия. Вообще женские стихи как-то умирают быстро.

Василий СИТНИКОВ (поэт, живет в Великом Устюге).

— Для меня в вопросе о литературе понятия «современная» не существует. На мой взгляд, настоящая литература всегда связана с историей того народа, к которому по национальным признакам принадлежит автор. Литература не может быть интернациональной или многонациональной. Это глубоко национальное явление.

Как бы не навязывались отдельные произведения средствами массовой информации, русский человек читает тех авторов, которые наиболее близки ему по духу, наиболее естественно отражают его внутреннее состояние. Я, допустим, очень ценю книгу В. Белова «Холмы», и Н. Рубцова «Подорожники». Люблю стихи Сурикова, Есенина, Тряпкина.

То, что сегодня книжные полки ломаются от порнухи и чернухи, вполне естественно. При том разложении, которое протекает в нашем обществе, иначе и быть не может.

Я провинциал, и поэтому сужу, как провинциальный затворник, но мне сегодня понятно, «темные силы нас злобно гнетут». Это видно хотя бы по неудавшемуся штурму Останкинской телевышки, расадника лжи и клеветы. И что самое страшное: опять как и в 17-м нас душат нашими же руками.

К одному из стихов у меня есть эпиграф, им я и хотел бы закончить свои рассуждения:

«Господи, дай нам не мелкой удачи и не легкой победы,

А помоги выстоять перед всем противоречащим естеству природы».

Адольф КЛОЧЕВ (автор и издатель «Провинциального Парнаса», «Продолжение следует»).

Вот Вы задали вопрос об отношении к современной литературе, и Василий Белов аккуратно и тонко избежал ответа, а Р. Балакшин перевел разговор на Солженицына, прилепив ему ярлык бездарности, и тем самым выдал свое пристрастие, а Ситников, вслед за Беловым провозглашает лозунг вневременности литературы, но не замечает разницы, что В. Б. причисляет Пушкина к современности, а он, напротив, все, что есть даже современное нам по времени, зачисляет в историю, в прошлое...

Думаю, не случайно упомянул Солженицына Балакшин. И думаю, вся последняя «современная» литература (не вся, конечно, те же Белов, Астафьев и др. остались самобытны и независимы) устремилась в проложенный ей фарватер, и, значит, не бездарный перед нами писака, а именно гигант и спорить с этим бессмысленно: за бездарьем не гнались бы, не ярлык, а оценка.

В нашем мире, замешанном на диалектике, на единстве противоположностей, предстающем перед нашим умственным взором в перевернутом виде, величайший ум, который мог бы облагодетельствовать человечество, вдруг отчего-то открывает убийственное нечто, и при помощи подручных создает бомбу, какой еще не бывало... Что-то подобное произошло и с Солженицыным. Злой и мстительный гений его сделал все для того, чтобы превратить моральное уродство в норму, чтобы тюремно-лагерная идеология взяла верх в жизни и смогла бы прорваться к власти. И, конечно, он за это заплатился талантом. Скажу так: если первые вещи его, включая «Архипелаг «ГУЛАГ» читались взапой, то «Август четырнадцатого» — с большим усилием, с прищипыванием, все-таки одолеть не смог. Плюнул с досады и бросил. Не спасло никакое словотворчество.

Январь 1994 г.

